

•
ЧЕСТНАЯ
ПРОЗА
•

**ЭДУАРД
ЛИМОНОВ**

ВЕЛИКИЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л58

Книга публикуется в авторской редакции

Оформление серии *Алексея Дурасова*

Лимонов, Эдуард.

Л58 Великие / Эдуард Лимонов. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 256 с. — (Честная проза).
ISBN 978-5-699-95670-8

Под этой обложкой автором собраны Великие Люди Человечества. Они рано или поздно всплывают из Истории перед каждым образованным человеком, их легенды сопровождают жизни поколений, влияя на наши жизни. Автор выудил из биографий великих людей малоизвестные, как правило, эпизоды и прокомментировал их. Критически прокомментировал, потому, когда вы закроете эту книгу, Великие Люди останутся по-прежнему Великими, но иными. Более близкими, своими, а не теми каменными Истуканами, какими они представлялись вам до этого. Не Идолами.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95670-8

© Савенко Э., текст, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПАРА: СОКРАТ И ПЛАТОН

Socrates, как его называют в англоязычной традиции, известен нам исключительно как литературный герой «диалогов» философа Платона, Plato — в англоязычной традиции. (Еще он якобы упоминается у Ксенофонта и якобы у Аристофана, но, возможно, это уже вторичные подделки.)

По-видимому, имел простонародную внешность, напоминал бомжеватого старичка, если верить бюсту, якобы изображающему его. Бюст находится в Лувре, во всяком случае, я его видел в Лувре.

Прототипом афинского мудреца с внешностью бомжа послужил некто по имени Socrates, однако поскольку от самого Сократа не осталось ни строчки, потому мы имеем полное право считать его литературным героем — «философом» — рупором Платона. Платон использовал Socrates для лучшего выражения своих идей. И называл его своим учителем.

Этот литературный персонаж считается величайшим философом всех времен и народов. Между тем

он действительно литературный герой, такой же как д'Артаньян. Платон поступил чрезвычайно умно. Никто не пророк у своих современников, пока жив. В уста Сократа удобно было вложить идеи Платона, чтобы они моментально были приняты. И на этом фундаменте затем строить здание своей собственной философии. Это моя догадка, что Платон «придумал» Сократа, изобрёл его, взяв имя, возможно, реально существовавшего человека, сделал его гениальным философом тем, что вложил ему в уста свои собственные гениальные философские идеи.

Теперь можно перейти к самому великому Plato, как я уже определил, не ученику Сократа, но творцу Сократа.

Биографию философа Платона (по-латински Plato), родившегося якобы в 428 году до нашей эры, написать, конечно же, невозможно, поскольку даже события какого-нибудь близкого к нам XIV века, например, беру наугад, плавают за нами в прошлом, в мутной пыли. Как, впрочем, и всё, что произошло даже и в XV веке, и в XVI. История, конечно же, всегда была, происходила. Но её либо совсем не фиксировали, либо фиксировали непрочно, по своим местным летоисчислениям. Есть все основания полагать, что так далеко, в 428 году до нашей эры, письменности-то не было. Никакой. Тотально не было.

Вероятнее всего, тот, кого мы называем Платоном (так же как и Платином, кстати!), был на самом деле византийским философом (официальная история благосклонно определяет его как «платоника») и звали его Гемист Плетон (еще произносится как Плифон), по-латински Pletho. Жил он где-то в 1355–1452 годах нашей эры, дожил, как видим, до глубокой старости и умер за год до завоевания Византийской империи турками. Грек он был не менее, чем «древний» Платон. Известно, что он написал труд под названием «Учение о Государстве», который не сохранился, и основал Платоновскую Академию во Флоренции. Совсем как Платон, не правда ли?

Я считаю, что Плетон и есть Платон, что только так и было. Я отношусь к числу сторонников так называемого ревизионизма в истории, а это такие люди, как сэр Исаак Ньютон, ученый шлиссельбуржец Николай Морозов, наш современник профессор Фоменко и многочисленные их сторонники, люди здравого смысла. Та история, которую преподают в школах, большая её часть не наука, а художественная литература на исторические темы.

Сочинения античного Платона как раз и появляются в Европе именно в XV веке, то есть в годы жизни византийского Плетона. Античный Платон — также автор труда под названием «Государство», этот труд сохранился. Известно также, что Гемист (Гемист, кстати, означает по-гречески «второй», т.е. Второй Платон)

также написал труд «Трактат о законах», дошедший до нас лишь во фрагментах, а вот из до нашей эры сочинение Платона трактат «Законы» до нас добрался.

Так что биография античного Платона — литературная фикция, собравшаяся за века, прошедшие от XV века, когда жил Плетон.

Однако эта фикция, как и множество других исторических басен, прижилась и, видимо, её не отцарапать от всеобщей мировой истории, где целые пласты чёрт знает чего наслоились друг на друга. Ясно, что Наполеон и Гитлер не мифы, но это уже ближайшая к нам задокументированная история. В такую можно верить. Я сам моими глазами видел, живя в Париже, в Archives Nationales документы Французской революции с чудовищной подписью Робеспьера под списком осужденных на гильотину. Это вертикальная линия с запутанным шаром линий в конце, похожем на свалившуюся голову казненного.

Разумнее, вместо того чтобы размышлять над выдуманной общими усилиями биографией античного Платона, обратиться к его произведениям.

Это так называемые диалоги, хотя, по сути, это многоголосые пьесы, сценарии, по-современному. Один из самых доступных, скорее весёлых, диалогов Платона — это диалог «Пир», или «Пиршество», пожалуй, самый известный в мире застольный праздник.

Деревня Афины

«Сократ был умытый и в сандалиях», — с любовной иронией повествует о своём учителе, а скорее всего, литературном герое, персонаже-рупоре, через которого он принёс свои философские идеи в мир, великий философ древности Plato.

— Итак, он встретил Сократа, умытого и в сандалиях, что с тем редко случалось, и спросил, куда это тот вырядился.

— На ужин к Агафону. Вчера я сбежал с победного торжества, испугавшись многолюдного сборища, но пообещал прийти сегодня».

Одна эта фраза мгновенно даёт нам представление о древних Афинах как о каком-нибудь крымском Коктебеле советских времён, где умытый кое-как хиппарь Хвостенко идёт через знойный посёлок вечером к своему другу-поэту, ну, допустим, Алейникову, где приготовились к обильным возлияниям поэты и художники.

Сюжет «Пира» именно таков. Поэт Агафон, про которого позднее выясняется, что это молодой и состоятельный красавец (в доме множество слуг и рабов, они прислуживают во время пира), получил награду за свою первую трагедию и пьёт и гуляет уже второй день. В первый день он «жертвоприношением отпраздновал свою победу с хоревтами». (Кто такие, для меня остаётся загадкой. Но может быть, знаете

вы? Не хористы ли это, участники античного хора, в трагедии же у греков был хор...)

Кто встретил Сократа на сельской дороге, кто этот «он»? Нет, это не сам Plato, но некий Аристодем из Кидафии, вот его короткий портрет: «маленький такой, всегда босоногий».

Сократ приглашает Аристодема к Агафону. Они шагают вместе через деревню Афины. Живописная группа, маленький босиком и Сократ, вы видели его предполагаемый бюст, очень простонародное лицо, уродливое даже. Два хиппаря Древнего мира.

Аристодем идёт быстро. Сократ всё время отстаёт. И в конце концов застревает почему-то у входа в дом, соседний с домом Агафона. У Сократа привычка — вдруг останавливается и стоит, думает. Появляется Сократ у Агафона уже к середине ужина.

Между тем собравшиеся на пир ныне знаменитые древние греки, среди них великий комедиограф Аристофан, врачеватель Эриксимах, Федр, Павсаний, выясняют, что у них у всех похмелье. Такое же, какое было два тысячелетия спустя у Хвостенко и Алейникова в Коктебеле.

Похмелье

Павсаний:

— Хорошо бы нам, друзья, не напиваться допьяна. Я, откровенно говоря, чувствую себя после вчераш-

ней попойки довольно скверно, и мне нужна некоторая передышка, как, впрочем, по-моему, и большинству из вас; вы ведь тоже вчера в этом участвовали; подумайте же, как бы нам пить поумеренней.

Аристофан:

— Ты совершенно прав, Павсаний, что нужно всячески стараться пить в меру. Я и сам вчера выпил лишнего.

Эриксимах:

— Агафон, в силах ли ты пить?

Агафон:

— Нет, я тоже не в силах.

Эриксимах:

— ...Если вы, такие мастера пить, сегодня отказываетесь... Сократ не в счёт, он способен и пить, и не пить, так что как бы мы там ни поступили, он будет доволен. А раз никто из присутствующих не расположен, по-моему, пить много, я вряд ли кого обижу, если скажу о пьянстве всю правду. Что опьянение тяжело людям, это мне как врачу яснее ясного. Мне и самому неохота больше пить, и другим я не советую, особенно если они ещё не оправились от похмелья.

Собравшиеся решают провести свой пир с пользой. Пить, не напиваясь. Эриксимах предлагает, чтобы каждый произнёс похвальный тост, сказал бы «как можно лучшее похвальное слово Эроту, такому могучему и великому богу любви».

Тосты на пиру

Первым свой тост произносит Федр. «Умереть друг за друга готовы только любящие, причём не только мужчины, но и женщины. Ахилл погиб во имя Патрокла, однако вот Орфей не смог отдать свою жизнь во имя возлюбленной Эвридики, потому в Аиде он видит только её призрак».

На самом деле в тексте «Пира» Федр говорит долго, свободно плавая по родной греческой мифологии (как и все последующие ораторы), однако нам с вами эти исторические и мифологические примеры ничегошеньки не говорят, незачем их пересказывать.

Следует объяснить, однако, что в те далёкие времена под «философией» подразумевались именно разговоры об истории и мифологии, длинные и на современный вкус вполне себе отвлечённые, призванные продемонстрировать эрудицию «философа».

Павсаний говорит о двух Эротах. И о двух Афродитах, к которым Эроты и привязаны. Плотская любовь находится под покровительством Афродиты пошлой и Эрота пошлого, а вот Афродита небесная и Эрот небесный покровительствуют любви к юношам. «Одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено большим умом».

Далее Павсаний оглашает идеи, которые современный российский суд признал бы пропагандой

гомосексуализма в её самой тяжёлой форме. «Ибо любят они не малолетних, а тех, у кого уже обнаружился разум, а разум появляется с первым пушком». Дальше нам следовать за Павсанием опасно, оставим Павсания с его страстью к умным подросткам «с пушком».

Следующий тост произносит врачеватель Эриксимах. Ничего значительного он не говорит. Что любовь заключается даже в борьбе двух начал: больного и здорового. Что любовь может содержаться даже в климате. Этот тост автору «Пира» не удался. На самом деле этот тост тоже длинный, я вас избавляю от него. Зато, прочитав моё эссе, вы сможете похвалиться перед девушками своими знаниями античной литературы — и да поможет вам Эрот склонить девушек к соитию.

Аристофан, всё время икавший, наконец справился с икотой. Ему слово.

Аристофан рассказывает собравшимся, что когда-то люди были трёх полов: мужчины, женщины и андрогины, «страшные своей силой и мощью», поскольку у каждого было четыре руки и четыре ноги. Андрогины при желании могли передвигаться как живые колёса, с огромной скоростью укатываясь, куда им было нужно, всеми руками и ногами. Боги стали страшиться андрогинов, и потому Зевс взял и разрезал каждого андрогина пополам, а Аполлон залечил получившиеся половинки (Аристофан смешно описы-

вает, как Аполлон скручивал кожу на месте разреза в пупок). Однако половинки стали страдать друг без друга. И пытаться воссоединиться. Тост Аристофана самый оригинальный и запоминающийся, надо признать. Вот откуда пошло знаменитое откровение Plato о том, что у каждого человека есть его половинка и что они некогда составляли единое целое. Из «Пира».

Хозяин дома поэт Агафон, как положено поэту, хвалит самого Эрота. И как красавец утверждает, Эрот — самый красивый бог, самый молодой из богов (Агафон моложе всех на пиру), через любовь Эрот приносит мир. Эрот — отец роскоши и неги, радостей, страстей и желаний.

Следующим тост произносит Сократ.

Сократ, по своему обыкновению, вначале задаёт вопросы соседу, поэту Агафону. Вдвоём они выясняют, что Эрот — это любовь направленная, а её предмет — «то, в чём испытываешь нужду».

Портрет Эрота великий Сократ недолго думая списывает с самого себя, так же как это сделал Агафон. У того Эрот красивый, как Агафон, у Сократа же он уродлив, как Сократ.

«Эрот беден, некрасив, груб, необут, бездомен, однако он храбрый, смелый, всю жизнь занимается философией, он искусный колдун, чародей и софист. По природе своей он ни бессмертен, ни смертен. Он находится также посередине между мудростью и невежеством».

«Любовь, внушаемая Эротом, — это путь к бессмертию: деторождению или увековечиванию в истории своего имени».

Сократ закончил свою речь.

Появление Алкивиада

Тотчас после тоста Сократа «в наружную дверь застучали так громко, словно явилась целая ватага гуляк, и слышались звуки флейты.

— Эй, слуги, — сказал Агафон, — поглядите, кто там, и, если кто-то из своих, просите. А если нет, скажите, что мы уже не пьём, а прилегли отдохнуть.

Вскоре со двора донёсся голос Алкивиада, который был сильно пьян и громко кричал, спрашивая, где Агафон, и требовал, чтобы его провели к Агафону. Его провели к ним вместе с флейтисткой, которая поддерживала его под руку, и другими спутниками, и он, в каком-то пышном венке из плюща и фиалок и с великим множеством лент на голове, остановился в дверях и сказал:

— Здравствуйте, друзья! Примете ли вы в собутельники очень пьяного человека или нам уйти? Но прежде мы увенчаем Агафона...»

Великолепная сцена! Аристократ, полководец, красавец, ночью, в венке, пьян и весел гуляет по афинской прославленной деревне. Пришёл к философам. Ленты свисают с венка из плюща и фиалок.